

EINEM ALTEN ARCHITEKTEN IN ROM*

I

В коляску, если только тень
действительно способна сесть в коляску
(особенно в такой дождливый день),
и если призрак переносит тряску,
и если лошадь упряжи не рвет, —
в коляску, под зонтом, без верха,
мы взгромоздимся молча и вперед
покатим по кварталам Кёнигсберга.

II

Дождь щиплет камни, листья, край волны.
Дразня язык, бормочет речка смутно,
чьи рыбки, навсегда оглушены,
с перил моста взирают вниз, как будто
заброшены сюда взрывной волной
(хоть сам прилив не оставлял отметки).
Блестит кольчугой голавель стальной.
Деревья что-то шепчут по-немецки.

III

Вручи вознице свой сверхзоркий Цейс.
Пускай он вбок свернет с трамвайных рельс.
Ужель и он не слышит сзади звона?
Трамвай бежит в свой миллионный рейс,
трезвонит громко и, в момент обгона,
перекрывает звонкий стук подков!
И, наклонясь — как в зеркало — с холмов
развалины глядят в окно вагона.

IV

Трепещут робко лепестки травы.
Атланты, нимфы, голубки, голубки,

* Старому архитектору в Рим (нем.).

аканты, нимбы, купидоны, львы
смущенно прячут за спиной обрубки.
Не пожелал бы сам Нарцисс иной
зеркальной глади за бегущей рамой,
где пассажиры собрались стеной,
рискнувши стать на время амальгамой.

V

Час ранний. Сумрак. Тянет пар с реки.
Вкруг урны пляшут на ветру окурки.
И юный археолог черепки
ссыпает в капюшон пятнистой куртки.
Дождь моросит. Не разжимая уст,
среди равнин, припорошенных щебнем,
среди руин больших, на скромный бюст
Суворова ты смотришь со смущеньем.

VI

Пир... пир бомбардировщиков утих.
С порталов март смывает хлопья сажки.
То тут, то там торчат хвосты шутих,
стоят, навек окаменев, плюмажи.
И если здесь поковырять (по мне,
разбитый дом, как сеновал в иголках),
то можно счастье отыскать вполне
под четвертичной пеленой осколков.

VII

Клен выпускает первый клейкий лист.
В соборе слышен пилорамы свист.
И кашляют грачи в пустынном парке.
Скамейки мокнут. И во все глаза
из-за ограды смотрит вдаль коза,
где зелень проступает на фольварке.

VIII

Весна глядит сквозь окна на себя
и узнает себя, конечно, сразу.
И зреньем наделяет тут судьба
все то, что недоступно глазу.

И жизнь бушует с двух сторон стены,
лишенная лица и черт гранита;
глядит вперед, поскольку нет спины.
Хотя теней в кустах битком набито.

IX

Но если ты не призрак, если ты
живая плоть, возьми урок с природы
и, срисовав такой пейзаж в листы,
своей душе ищи другой структуры.
Отбрось кирпич, отбрось цемент, гранит,
разбитый в прах — и кем! — винтом крылатым,
на первый раз придав ей тот же вид,
каким сейчас ты помнишь школьный атом.

X

И пусть теперь меж чувств твоих провал
начнет зиять. И пусть за грустью томной
бушует страх и, скажем, злобный вал.
Спасти сердца и стены в век атомный,
когда скала — и та дрожит, как жердь,
возможно лишь скрепив их той же силой
и связью той, какой грозит им смерть.
И вздрогнешь ты, расслышав возглас: «милый!»

XI

Сравни с собой или прикинь на глаз
любовь и страсть и — через боль — истому.
Так астронавт, пока летит на Марс,
захочет ближе оказаться к дому.
Но ласка та, что далека от рук,
стреляет в мозг, когда от верст опешишь,
проворней уст: ведь небосвод разлук
несокрушимей потолков убежищ.

XII

Чик, чик-чирик, чик-чик — посмотришь вверх
и в силу грусти, а верней, привычки
увидишь в тонких прутьях Кёнигсберг.
А почему б не называться птичке

Кавказом, Римом, Кёнигсбергом, а?
Когда вокруг — лишь кирпичи и щебень,
предметов нет, и только есть слова.
Но нету уст. И раздаётся щебет.

ХІІІ

И ты простишь нескладность слов моих.
Сейчас от них один скворец в ущербе.
Но он нагонит: чик, Ich liebe dich!
И может быть, опередит: Ich sterbe!
Блокнот и Цейс в большую сумку спрячь.
Сухой спиной повернись к флюгарке
и зонт сложи, как будто крылья — грач.
И только ручка выдаст хвост пулярки.

ХІV

Постромки — в ключья... лошадь где? Подков
не слышен стук... Петля там, в руинах,
коляска катит меж пустых холмов...
Съезжает с них куда-то вниз ...две длинных
шлеи за ней... И вот — в песке следы
больших колес. Шуршат кусты в засаде...

ХV

И море, гребни чьи несут черты
того пейзажа, что остался сзади,
бежит навстречу. И как будто весть,
благую весть, сюда, к земной границе,
влечет валы. И это сходство здесь
уничтожает в них, лаская спицы.

ноябрь—декабрь 1964